

Кидайся в края...

Три "Февраля" Эдуарда Багрицкого

В этом году — 70 лет со дня

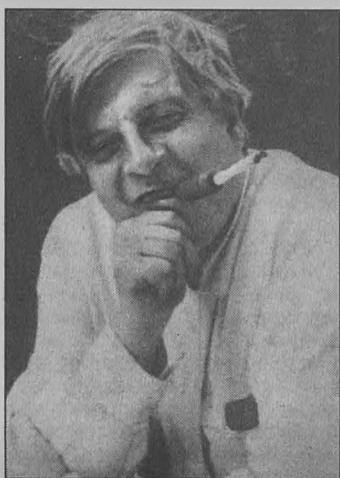
смерти Эдуарда Багрицкого.

Его посмертная судьба оказалась странной: от хрестоматийного советского поэта до почти полного забвения к концу 90-х...

Начать с "Чертовых кукол"? Большое стихотворение, не вошедшее в прижизненные книги Багрицкого. Лиро-исторический эпос. Сильно смахивает на Волошину времен гражданской распри на Юге России. Сходство не только стиховое — мироощущенческое: звериная суть истории. Более того — оправдание революции как искупления, очищения и выхода. Однако некий небольшой поворот ключа — и там, где Волошин стоит "меж них", "молясь за тех и за других", Багрицкий занимает красный угол. Кроме того, Багрицкий отчетливо антимонархичен. Московские государи ему так же отвратительны, как и Петр. Что касается кукол, то интересно: в одесских публикациях той поры — 1919 — 1924 — Багрицкий подписывался именем И. Горцев: Игорцев, то есть он играл во все это — в революцию, в частности. Не вижу двуличия, подтырки, кукиша в кармане. Это игра всерьез, в конце концов — на разрыв аорты. Но подсознательно, разумеется, он давал себе возможность дистанции от происходящего хотя бы на уровне романтики. Ибо романтика в принципе дает люфт свободы от реальности. Вообще в ямбах начала 20-х — в "Москве" или "Александру Блоку" — стих Багрицкого ничем не отличается от конечного, остаточного, результирующего опыта дореволюционной поэтики. По преимуществу это чистый акмеизм гумилевского типа, связанный с поздним Блоком. В основном Гумилев вошел в советскую поэзию через Багрицкого и Тихонова с Сельвинским.

Он издал трилогию — книги "Юго-Запад", "Победители", "Последняя ночь" — наставая на неизменности и единстве этого ряда, и это еще раз обнаруживает перекличку с Блоком, с его трилогией. "Работай, работай, работай" — Багрицкий напрямую цитирует Блока в "Песне о Рубашке". К слову, брессовское стихотворение "Работа" — полемическое эхо блоковского "Работай, работай, работай...", с разрывом в десять лет их написания: 1907 — 1917. Это круговой поток взаимомовления, постоянных перекличек: в сущности, поэты разговаривают друг с другом, их провиденциальный собеседник — сама поэзия.

В конце 60-х Александр Межиров мне, юнцу, осторожно говорил: Багрицкий — это замечательно, но вы еще уйдете от него. Межиров не распространялся на сей счет, он осторожно давить на молодого поэта, — тут бродило по крайней мере два мотива: идеологический и еврейский. Ни того, ни другого он касаться не хотел. Мой идеалистический идиотизм был налицо, опровергать его было бессмысленно. Так же, как и густой

Э. Багрицкий

экзотизм дальневосточного розлива. Я сознательно брал у Багрицкого морскую и прибрежную атрибутику вместе с ритмикой. Меня оправдывает то обстоятельство, что это было повально в ту пору. Был, например, поэт, уроженец и певец Русского Севера, писавший о Белом море как о Черном море, по-багрицки, при сем усердно славянофильствуя. Известно, что и Бродский состоял в маринистах, чего не скрывал до конца своих дней. Его молодая муза постоянно прохаживалась по берегам то Балтики, то Черного моря. "Помесь Балтики и Черноморья" — сказано им о Рейне, который в свою очередь очень много взял у Багрицкого.

Нелишне напомнить, что он, Багрицкий, в упорных спорах с оппонентами первым поддержал Твардовского, о чем тот помнил и говорил всю жизнь. Таков его путь: от раннего стихотворения "Маяковскому" до помощи Твардовскому. Маяковский и Твардовский — стиховые антиподы. Такова амплитуда Багрицкого. Он любил эпитет "широкий". Это про него.

Я-то от Багрицкого ушел, а вот зрелый Межиров, напротив, пришел к нему. В первом варианте поэмы "Трактор" у Багрицкого найдем строки: "Но ни один из мясников не сменит / Свой нож и фартук на судьбу певца". В лучшей доотъездной вещи Межирова "Прощание с Юшиным" речь идет как раз о мяснике: "Жизнь зиждилась на мяснике знакомом, / На Юшине, который был поэт..."

В 28-м году Сталин, готовя великий перелом, сворачивал нэп, а Багрицкий издал книгу "Юго-Запад". Требовалась социалистическая литература — Багрицкий демонстративно открывает книгу "Птицеловом", перлом аполитизма. Следом — "Тиль Уленшпигель". Затем — "Песня о Рубашке", "Джон Ячменное зерно", "Разбойник". "Юго-Запад" как название книги явно смещается в сторону Запада. Получается не черноморский юго-запад, но Юг плюс Запад. Но это совершенно обрусевший Запад: Багрицкий перепереводил Юда, Бернса и Вальтера Скотта с уже готовых переводов М. Михайлова и И. Козлова,

выполненных в начале и середине XIX века. Он не получил регулярного образования, выход на мировую литературу проложив сквозь литературную отечественную. Есть в такой методике оттенок некоего одесского авантюризма, надо сказать. Недаром он любил Рембо, которого, кстати, перевел при помощи А. Штейнберга. Западничество Багрицкого в некоторой мере, опять-таки, одесского толка: это стиховое портофранко, открытый город, главнейшая печь народов, недаром "Контрабандисты" поначалу назывались "Греки".

Справедливости ради надо бы вспомнить, что и такой полилот, как Лермонтов, свой "Вид гор из степей Козлова", переложение Мицкевича сонета, осуществил при помощи подстрочника, исполненного однополчанином, и уже готового перевода все того же Ивана Козлова.

В 27-м году опубликованы мои любимейшие вещи той эпохи — "Контрабандисты" Багрицкого и "Зависть" Олеси. Мне кажется, в "Последней ночи" Багрицкий дает портрет Олеси: "Он молод был, этот человек, / Он юношей был еще, — / В гимназической шапке с большим гербом, / В тужурке, сшитой на рост... / Лоб, придавивший собой глаза, / Был не подтеки груб, / И подбородок торчал вперед, / Сработанный из кремня". Причудливым образом этот юный ночной одессит сливается с Явирлой Принципом, убившим эрцгерцога, начав первую мировую. В "Зависти" — гибель поэта, у Багрицкого — победа поэта. Это принципиальная разница. В "Контрабандистах" — дух нэпа, предпринимательского риска, все той же авантюры, и тут стоит заметить, что Багрицкий не выносил нэп как таковой, считал его свалкой иллюзий, потерей знамен, провалом и крахом, но вот он, механизм романтизма: купля-продажа становится предметом вдохновения певца, антибуржуазного в корне. Купля-продажа, покрытая всеми стихиями мироздания. "Так бей же по жилам, / Кидайся в края, / Бездомная молодость, / Ярость моя!" Так побеждает поэт.

Это говорит одессит: "Кидайся в края". Не совсем по-русски, суржик какой-то. Но есть тут нечто колдовское, черт возьми. Неправильная речь, исторгнутая этим поэтом, не иным. Авторская метка. Черноморский жаргон ("...чтоб голос ломать / Черноморским жаргоном").

В его самой антизловской вещи "От черного хлеба и верной жены..." (у меня уже был случай указать на связь этого стихотворения с птчевскими "Листьями", см. "Культура", 2003, № 48), в ее окончательном виде, отсутствуют — по непонятной причине — строки, зафиксированные в первоначальном варианте, названном "Мы". "Четырьмя ветрами заспан след, / Вдохновенье с нами, а голоса нет... / В стуже какой он иссяк недавно, / В пьянстве каком или в стычке славной... / Нет, не узнаем... Иди, бреди — / Илы мороза звенят в

груди..." Великолепные стихи. Он ушел от них. Таким было то "мы". То есть — поколение. Снял заголовок, переменил размер, убрал ноту последней искренности.

Сполна почерпнув символистского опыта, Багрицкий, несомненно, вкладывал особый смысл в понятие Февраль. Он написал три "Февраля". Есть соблазн назвать Багрицкого поэтом Февраля, то есть Февральской революции, некоторым образом отодвинув его музу от Октября. Но это неправда. Правда в том, что именно с Февраля он ведет отсчет новой истории России, равно как и переворот в своем гражданском сознании. В "Последней ночи" и поэме "Февраль" он дает пролог, предысторию Февраля. Октябрь у Багрицкого не существует без Февраля, тогда все началось. Сам по себе Октябрь у него нечто стихийное, нутряное, мужичье, если не разбойничье: "И встал Октябрь. Нагольную овчину / Накинул он и за кушак широкий / На камне выправленный нож задевал, / И в путь пошел, дождливый и жестокий... / Твой шаг слышав, туже и упрямей / Ладонь винтовую верную сжимала, / Тебе навстречу дикими путями / Орда голодная, крича, вставала!" ("Октябрь", 1922). Отсюда вышла его гражданская война, "Дума про Опанаса", основной нерв его творчества, пронизанный памятью о "Слове о полку Игореве", о многовековом кровопролитии отечественных междоусобиц.

"Я Тиль Уленшпигеля пою!" — намеренно повторяет он во второй книге "Победители", по видимости, посвященной персонажам строящегося социализма: механикам, чекистам, рыбоведам. У него и ветеринар есть, специалист по случке быка с коровой. К своему читателю поэт относится весьма добродушно: "Прочтет стишок, / Оторвет листок, / Скинет пояс — / И под кусток". Работа на понижение — борьба с романтикой, столь нравящейся сытому критику из соответствующего стихотворения, "Вмешательство поэта". Под углом этой борьбы надо рассматривать идущее следом "ТБС". Еще никто почему-то не заметил, что Дзержинский тут — прирак самой болезни, фантомная боль, припадок, большой бред. Вот же все это, написано черным по белому: "Жилка колотится у виска, / Судорожно дрожит у век. / Будто постукивает слежка / Остроугольный палец о дверь. / Надо открыть в конце концов! / Войдите" — И он идет сюда: / Остроугольное лицо, / Остроугольная борода". Его монолог — вербализация туберкулеза, запредельное, чахлое, иступленное слово умершей романтики. "Умри, побеждая, как умер я".

Свое "ТБС" Багрицкий побивает своими же "Веселыми нищими", полнокровной песней о пьянстве, блуде и свободе. Это все, что осталось у него от романтического арсенала. Взяв за основу перевод П. Вейнберга, он пишет своими размашистыми, жирными (любимый эпитет) мазками.

Стоит сравнить его с Маршаком. "Не помня горя и забот, / Ласкал он побирущку, / А та к нему тянула рот, / Как нищенскую кружку" — очень складно, ровно и гладко сочиняет Маршак. А вот смачный, одесско-портовый образчик речи: "Красотка не очень красива, / Но хмелем по горло полна, / Как кружку прокисшего пива, / Свой рот подставляет она". Нелишне отметить и самые последние строчки "Победителей" — рефрен из заключительной песни "Веселых нищих": "Королевским законом / Нам голов не свернуть!" Писано в 28-м году. Поэтика подцензурного намека началась уже тогда. У Маршака ничего подобного нет.

"Мир переполнен твоей тоской. / Буквы отстукивают: на кой?" На рубеже 20 — 30-х годов он зафиксировал это состояние души и эпохи. В воспеватели современности такой бард не годится. "Как я одиноки!" В "Происхождении" он, кажется, впервые заговаривает о евреистве. Мандельштам уже написал "Шум времени", хаос иудейский, 1923 — 1924. Обоих поэтов (плюс Пастернак) можно было бы назвать по-нынешнему асимиллянтами, кабы не их рыков в сторону всего мира, больше космополитического, нежели интернационалистского.

Поэма "Февраль" осталась в черновиках. Но внутренне она дописана. Там сказано все, что может сказать поэт. Ее посмертная публикация обнаружила, какого громадного поэта потеряла русская литература. "Февраль" трудно цитировать, поскольку даже ее гениальный финал может зависнуть, не поддержанный всей словесной массой предшествующего текста, композиционной конструкцией, прихотливым ходом ассоциативной мысли, смещением и сливанием планов, виртуозно-естественной полиметрией (долыник, анапест, дактиль, хорей вперемешку), монтажом эпизодов, портретной живописью персонажей, обилием точнейших деталей, общей пластикой, живым и острым дыханием моря, побережья, акаций, ласточек, всем историческим фоном происходящего. Поэма вся состоит из беспощадных крайностей. Достаточно лишь этого сюжета: превращение лучезарной гимназистки в портовую шлюшку. Все перевернулось. Случился Февраль. Как ни странно, "Февраль" отдаленно, но напрямую напоминает есенинскую "Анну Снегину": там и там действуют пустыни. Но у Есенина — и это еще более странно — вышла повесть о любви высокой и чистой, у Багрицкого — любовь, исполненная грязи, срама, смрада, мести, отчаяния и — это самое странное! — надежды: "Будут ливни, будет ветер с юга, / Лебедь влюбленное ячанье".

Негоже плясать на могиле Багрицкого, мне — неохота.

Илья ФАЛИКОВ

Р. S. 20 мая в Центральном доме литераторов пройдет вечер памяти Эдуарда Багрицкого.